

ДЕНЬ 249

ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ НА ЗЕМЛЮ
14 МЕСЯЦЕВ

ПРОЕКТ ЭХО

18+

ИВАН БИТЕР

Иван Битер
Проект Эхо

«Автор»

2026

Битер И.

Проект Эхо / И. Битер — «Автор», 2026

Она ушла в космос, чтобы сбежать от прошлого. Но прошлое нашло её даже там. Грейс Харпер — командир интернационального экипажа на станции «Аид». Два года назад её семья погибла в аварии. Или нет? На 249-й день миссии экипаж получает странные сообщения — без отправителя, без адреса. Личные вопросы о том, что они потеряли. А потом табло дней начинает сбиваться, показывая цифры, которых не было. Кто-то на станции переписывает их память. Кто-то живёт в их телах, пока они спят. И это не галлюцинации. «Эхо» — не астероид. Оно — живое. Оно хочет вернуться на Землю. Грейс придётся сделать выбор: уничтожить станцию и спасти планету — или рискнуть всем, чтобы узнать правду о своей семье. Но что, если правда окажется страшнее лжи?

© Битер И., 2026

© Автор, 2026

Иван Битер

Проект Эхо

ЭХО. КНИГА 1. СТАНЦИЯ

ПРОЛОГ

Свет был белым.

Не больничным — более плотным, безжизненным, как потолок в помещении без окон. Грейс смотрела в него, и он не отражал ничего. Слышно было только гудение — равномерное, высокое, как будто где-то работал старый трансформатор. И запах: антисептик, металл, чужое тело.

— Миссис Харпер?

Голос возник ниоткуда. Она не повернула голову. Не потому, что не могла, а потому, что не хотела.

— Вы слышите меня?

Она слышала. Но слова были слишком далёкими, как радио на соседней волне. Она попыталась вспомнить, что случилось, но в памяти зияла огромная чёрная область, будто кто-то выжег кусок плёнки.

— Миссис Харпер, мы вынуждены сообщить вам, что...

Голос запнулся. Она услышала, как врач — это был врач, она поняла по тембру — перевёл дыхание.

— ...вы — единственная, кто выжил. Примите наши соболезнования.

Тишина.

Она смотрела в потолок. Потолок был белым. Гудение не прекращалось.

— Кто? — спросила она. Голос прозвучал как чужой.

— Дэвид Харпер, ваш муж, Ева, Патрик. Собака, Бакстер... Все погибли. Автомобильная авария. Вы были за рулём. По протоколу — вы единственная, кто был пристёгнут. Остальные — нет.

Она смотрела в потолок.

Она думала о том, что её дочь обещала сегодня показать рисунок. Собака просилась в туалет перед выездом, но она не остановилась. Сын держал её за руку на заднем сиденье. Муж смотрел в окно.

Она помнила всё. Как Патрик тянул её за рукав. Как Ева просила включить музыку. Как Бакстер вздохнул на заднем сиденье. Как её телефон пикинул за секунду до того, как она подняла глаза. Она не помнила, что было в том сообщении. Она помнила, что посмотрела на экран. А потом — ничего. Кроме самого удара.

— Можете сказать что-нибудь? — спросил врач.

Она ничего не сказала. Она смотрела в потолок и слушала гудение.

На тумбочке стояла фотография в рамке. Она видела её краем глаза — семья на пляже, солнце, песок. Дети смеются. Муж держит её за плечи. Она улыбается.

Она не могла посмотреть на это фото.

Она закрыла глаза.

— Я хочу спать, — сказала она.

И свет погас.

ГЛАВА 1. ДЕНЬ 247. ТИШИНА

Часть 1. Пробуждение

Свет не проникал сквозь веки — его не было. Грейс открыла глаза в темноте, и первое, что она почувствовала, — холод. Не тот, который проникает через кожу, а тот, что живёт внутри неё уже два года. Она не помнила, когда он появился. Она помнила только, что он всегда здесь. Он стал частью её, как дыхание, как сердцебиение, как тишина, которая окружала её каждую секунду.

Она лежала неподвижно, вглядываясь в потолок. Он был серым — тем серым, который не становится светлее даже при включённом освещении. Сетка вентиляционных швов пересекала его, как трещины на старой карте, разделяя пространство на правильные геометрические сегменты. В левом углу, чуть выше двери, Грейс видела трещину — тонкую, почти незаметную линию, которая появилась на третий день её пребывания на станции. Она смотрела на неё каждое утро, и каждый раз трещина казалась ей чуть больше, чуть глубже. Но это было обманом зрения. Она не менялась. Грейс знала это. Но она продолжала проверять.

Она слушала станцию. Где-то за стеной работал компрессор — низкий, ровный гул, похожий на дыхание спящего зверя. Где-то дальше, в недрах «Аида», капала вода — ритмично, с интервалом в четыре секунды. Грейс знала этот звук. Она знала его с первого дня, когда он казался ей чужим и раздражающим. Теперь он стал частью её, как шум собственной крови в ушах. Она уже не замечала его, но он был. Он всегда был.

Она перевела взгляд на табло над дверью. Красные цифры горели ровно, без помех: **День 247.**

Грейс смотрела на них, и в этом не было удивления. Она знала, что сегодня 247-й день. Она знала, что вчера было 246. Она знала, что завтра будет 248. Она знала, что они здесь уже двести сорок семь дней, и до возвращения осталось ещё четырнадцать месяцев, если ремонтная группа вообще прилетит, если бюджет утвердят, если она не сойдёт с ума раньше. Она знала всё это, но продолжала смотреть на цифры, как будто они могли измениться.

Она села на койке, и старый металл привычно скрипнул под её весом. Она знала этот скрип — знала, что если сесть чуть левее, он будет тише, но она не искала тишины. Она искала привычного. Её пальцы скользнули по простыне — ткань была грубой, казённой, с выцветшими от множества стирок краями. Грейс помнила, как в первый день она пыталась заправить её ровно, как в гостинице. Она перестала это делать на второй неделе. Здесь не было гостей. Здесь была только она и тишина.

Она откинула одеяло и натянула лёгкий комбинезон. Ткань была холодной, с металлическим привкусом, который не выветривался даже после стирки. Она застегнула молнию до горла, провела рукой по волосам — они были спутаны, как всегда. Она не смотрела в зеркало. Она знала, что там — усталое лицо, седина у висков, мешки под глазами. Ей было тридцать восемь, а выглядела она на все пятьдесят. Она знала, что на Земле её никто не ждёт.

Она встала, и её босые ступни коснулись холодного металлического пола. Она постояла секунду, привыкая к этому ощущению — к тому, что пол всегда холодный, всегда твёрдый, всегда одинаковый. Потом она вышла в коридор.

Станция встретила её привычным гулом. Вентиляция, где-то далеко — компрессор, мерный стук в системе отопления, едва слышный звон металла, когда где-то открывалась или закрывалась дверь. «Аид» был старым грузовым модулем, переоборудованным под научную станцию. Ему было двадцать пять лет, он видел шесть экипажей и три смены оборудования. Стены в разводах, каждый третий болт на потолке — не родной. Грейс знала их все. 74-й возле

поворота она срывала сама на второй неделе, когда лопнул шланг. 85-й уже скрипел, когда система отопления начинала новый цикл — она могла бы заменить его, но не стала. Он стал частью её дня, как дыхание.

Она остановилась у иллюминатора на повороте и посмотрела наружу. За стеклом была чёрная пустота. Грейс смотрела на неё, и в этом не было страха — только усталость. Она думала о том, что на Земле сейчас день или ночь. Она уже не помнила разницы. Она помнила только, что там есть солнце, ветер, дождь. Она помнила, как Ева танцевала под дождём, а она кричала ей из окна, чтобы та шла домой. Ева не слушалась. Ева никогда не слушалась. Она помнила, как Патрик бежал по лужам, а она смеялась и кричала ему: «Осторожно, ты промокнешь!» А он смеялся в ответ. Она помнила, как Дэйв стоял на крыльце и улыбался, держа в руках чашку чая. Она помнила его улыбку. Она помнила его руки.

Она отвела взгляд от иллюминатора и пошла дальше. Её шаги отдавались эхом в пустом коридоре. Она считала их — это была привычка, которая появилась у неё на третий день. Шестьдесят шагов до поворота. Ещё двадцать до общего отсека. Сто семь до рубки. Она знала это наизусть, но продолжала считать. Это помогало ей не думать о другом.

Когда она вошла в общий отсек, она увидела, что там уже кто-то есть. Марк Уэбб сидел за столом с книгой в руках. Британский врач, высокий, бледный, с сединой на висках и тихим голосом, который не повышался даже в споре. Он читал что-то на планшете, но, когда Грейс вошла, поднял глаза и кивнул — коротко, без улыбки.

— Ты рано, — сказал он.

— Я всегда рано, — ответила Грейс.

— Нет, — качнул головой Марк. — Ты раньше. На двадцать минут.

Грейс посмотрела на него. Он не шутил. Она проверила планшет — 06:10. Она действительно поднялась на двадцать минут раньше обычного. Она не помнила, почему. Она пыталась восстановить утро в голове, но ничего не приходило. Она просто открыла глаза, и всё.

— Наверное, не спалось, — сказала она.

Марк не ответил. Он вернулся к книге. Грейс заметила, что его пальцы чуть дрожат, когда он перелистывает страницу. Она не спросила, почему. Она знала, что у каждого есть свои тени, и не все готовы их показывать.

Она прошла к кухонному блоку, стоявшему у дальней стены, рядом с холодильным шкафом. На столе стояли две кружки — одна целая, другая треснутая. Грейс знала, что эта трещина появилась месяц назад, когда Майк уронил кружку, пытаясь поймать её в невесомости. Они тогда смеялись. Теперь она просто смотрела на трещину и заваривала кофе. Растворимый, последний запас. Она пила его чёрным, без сахара, и ждала, пока горечь заполнит рот.

Она думала о том, что на Земле она пила кофе с молоком. Там, в другом мире, где есть окна и свежий воздух. Она помнила, как они сидели на кухне с Дэйвом по утрам. Он читал газету — не на планшете, а настоящую, бумажную. Она смеялась над ним, говорила, что он старомодный. Он пожимал плечами. Она думала о том, что никогда больше не увидит, как он пожимает плечами.

Она стояла у блока, держа кружку в руках, и смотрела на треснутую кружку на столе. Она думала о том, что трещина — это как её жизнь. Снаружи целая, а внутри разбитая.

Часть 2. Завтрак

В общий отсек вошла Лена Белова. Русская пилот, бывшая военная. У неё была короткая стрижка, жёсткая челюсть и голос, который не терпел возражений. Она не здоровалась — просто кивнула Грейс и направилась к блоку за водой.

— Кофе не давать, — сказала она, даже не повернув головы. — Я уже слышала твой разговор с Марком.

— Я не просила тебя подслушивать, — ответила Грейс.

— Я не подслушиваю, — Лена повернулась. — Я слышу. Это разные вещи.

Грейс смотрела на неё. Лена держала кружку с водой, но не пила. Она смотрела на воду, как будто искала в ней что-то, чего не было. Грейс заметила, что её руки сжаты слишком сильно.

— Ты не спала? — спросила Грейс.

— Я сплю, — ответила Лена. — Я всегда сплю. Но я не отдыхаю.

Она села за стол напротив Марка. Тот поднял глаза на секунду, затем снова вернулся к чтению. Лена смотрела на него с лёгким прищуром, но ничего не сказала.

Вошёл Майк Чен. Инженер, китаец, который говорил с паузами, потому что переводил мысли с мандаринского на английский. Он нёс ящик с инструментами и выглядел так, будто не спал всю ночь. Его глаза были красными, под ними залегли тёмные круги, но он держался прямо.

— Чайник, — сказал он, ставя ящик на стол. — Опять сломался. Я его починил, но он сломается снова.

— Ты не спал? — спросила Грейс.

— Я спал, — ответил Майк. — Но я думал о чайнике.

Лена фыркнула. Это было почти смехом.

— Ты думаешь о чайнике, — повторила она. — В космосе. В нескольких сотнях километров от Земли. Ты думаешь о чайнике.

— Да, — серьёзно ответил Майк. — Потому что если чайник сломается, мы не сможем пить чай. И это будет катастрофа.

Лена покачала головой, но Грейс заметила, как чуть расслабились её плечи. Она тоже не спала. Они все не спали. Но они старались не показывать этого друг другу. Они притворялись, что всё в порядке, что они справляются, что ничего особенного не происходит.

Майк сел за стол и принялся перебирать инструменты в ящике. Грейс видела, что его руки двигаются автоматически — он делал это не потому, что нужно было что-то проверить, а потому, что не мог сидеть без дела. Она знала это чувство. Она знала, что иногда нужно просто занять руки, чтобы не думать о том, что происходит в голове.

Вошла Софи Пак, связистка. Молодая, самая младшая — двадцать семь лет. Корейка с мягким голосом и тревожными глазами, которые всегда смотрели так, будто она ждала чего-то плохого. Она поправляла наушник, хотя никто не звонил. Её пальцы слегка дрожали, когда она касалась планшета.

— Доброе утро, — сказала она. — Я получила сообщение.

— Откуда? — спросила Грейс.

— С Земли. Итан передаёт привет. И говорит, что погода в Хьюстоне хорошая.

— И это всё? — уточнила Лена.

— Да, — Софи пожала плечами. — Я подумала, что вы захотите знать.

Грейс смотрела на неё. Софи выглядела так, будто хотела сказать что-то ещё, но не решалась. Грейс не спросила. Она знала, что если Софи захочет сказать, она скажет.

Экипаж завтракал за столом в тишине. Не потому, что им не о чем было говорить, а потому, что они уже привыкли к этому молчанию. Сто восемьдесят дней вместе — это срок, когда люди перестают нуждаться в словах. Грейс смотрела на них: Марк, Лена, Майк, Софи. Они стали её семьёй — не той, которую она потеряла, а той, которую она нашла. Она не говорила им этого, но они знали.

Она смотрела на их лица, и каждый из них был книгой, которую она научилась читать. Марк — его глаза всегда были немного припухшими, как будто он плакал ночью, хотя Грейс ни разу не видел его слёз. Лена — она держала спину прямо, даже когда сидела, потому что привыкла к дисциплине. Майк — он постоянно что-то крутил в руках, даже когда говорил.

Софи — она смотрела на всех с лёгкой растерянностью, как будто не до конца верила, что она здесь.

Грейс думала о том, как они все оказались здесь. Марк — после смерти дочери. Лена — после того, как её напарник погиб при катапультировании. Майк — после того, как его брат пропал в горах. Софи — потому что она не знала, где ещё искать свой дом. И она, Грейс — потому что ей нужно было убежать от тишины.

Она смотрела на них и думала о том, что космос — это место, куда люди приходят, когда не знают, куда идти. Она думала о том, что они все бежали от себя, но никто из них не мог убежать. Она думала о том, что их прошлое всегда было с ними, даже здесь, в сотнях километров от Земли.

Она допила кофе и поставила кружку на стол. Ей нужно было чем-то заняться. Ей нужно было перестать думать о том, что она не могла изменить.

Часть 3. День

После завтрака экипаж разошёлся по своим постам. Грейс осталась в общем отсеке на несколько минут, глядя, как остальные расходятся: Марк в медицинский отсек, Лена в рубку, Майк в технический блок, Софи в свой угол с коммуникационным пультом. Она смотрела на них, и каждый раз, когда они расходились, она чувствовала странную пустоту — как будто часть её уходила вместе с ними. Она знала, что это глупо. Они все были здесь, на одной станции. Но одиночество, которое она носила в себе, не исчезало, даже когда они были рядом.

Она пошла в рубку, чтобы начать свой рабочий день. Рубка была центром станции — здесь находились основные системы управления, мониторы, панели связи. Это было её место, её территория. Она знала каждый переключатель, каждый индикатор, каждую кнопку на панелях. Она знала, как работает каждая система, как она дышит, как она реагирует на команды. «Аид» был её домом, и она знала его так, как знают дом, в котором прожили много лет.

Она села в кресло и включила мониторы. Экраны засветились, отображая данные о состоянии станции: давление, температура, уровень кислорода, работа систем жизнеобеспечения. Всё было в норме. Она проверила логи — никаких ошибок, никаких сбоев. «Аид» работал как часы.

Она открыла папку с астероидом. «Эхо» — так они называли его за то, что он не излучал сигналов. Он висел в пустоте уже две недели, не двигаясь, не подавая признаков жизни. Грейс смотрела на его спектры, и они ничего не говорили ей. Камень. Обычный камень. Она провела пальцем по экрану, увеличивая изображение, и увидела линии — тонкие, почти незаметные, но они были там. Она не знала, что это было. Она не знала, почему они были там.

Она закрыла папку и откинулась на спинку кресла. Ей нужно было отдохнуть. Ей нужно было перестать думать.

Она вышла из рубки и прошла в свой кабинет — маленький отсек, где хранились пробы с астероида. Она открыла шкаф и достала контейнер с образцом. Она смотрела на него через увеличительное стекло, и он был таким же, как и все предыдущие образцы — серый, шершавый, безжизненный. Она провела пальцем по поверхности и почувствовала, как камень отдаёт холодом — тем же холодом, который она носила в себе уже два года.

Она положила образец обратно и закрыла шкаф. Она не знала, что ищет. Она не знала, что надеется найти. Но она знала, что должна продолжать искать.

Она вернулась в рубку и снова села в кресло. Она смотрела на мониторы, на цифры, на графики, и всё было в порядке. Всё было так, как должно быть. Но она чувствовала, что что-то не так. Она не знала, что это было. Она не знала, почему она чувствовала это. Но она знала, что это было реально.

Она смотрела на табло над дверью. Красные цифры горели ровно: **День 247**. Она смотрела на них, и они ничего не говорили ей.

Она открыла канал связи с Землёй. На экране появился Итан — диспетчер, с которым она говорила каждый день. Он был спокоен, как всегда, его голос звучал ровно и профессионально.

— Грейс, — сказал он. — У тебя всё хорошо?

— Да, — ответила она. — Всё в порядке.

Она лгала. Но она всегда лгала.

— Как проходит день? — спросил он.

— Как обычно, — сказала она. — Проверяю данные, обновляю отчёты. Всё в норме.

— Хорошо, — сказал он. — Если что-то понадобится, ты знаешь, где меня найти.

— Знаю, — сказала она. — Спасибо, Итан.

Она закрыла канал и снова посмотрела на мониторы. Всё было в порядке. Всё было так, как должно быть. Но она чувствовала, что что-то не так.

Она провела остаток дня в рубке, проверяя данные, обновляя отчёты, следя за системами. Она делала это автоматически, как робот, но её мысли были далеко — там, где она не хотела их видеть.

Она думала о своей семье. Она думала о Дэйве, о Еве, о Патрике, о Бакстере. Она думала о том дне, когда всё изменилось. Она думала о том, как они ехали по трассе, как шёл дождь, как Патрик держал её за руку на заднем сиденье, как Ева смеялась, включая музыку на своём планшете, как Бакстер вздохнул и положил голову на лапы. Она помнила, как телефон пикинул за секунду до удара. Она не помнила, что было в том сообщении. Она помнила только, как посмотрела на экран. А потом — ничего.

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить. Она пыталась найти хоть что-то — образ, звук, ощущение. Но была только пустота. Та же пустота, которая была внутри неё уже два года.

Она открыла глаза и посмотрела на табло. Красные цифры горели ровно: **День 247**. Она смотрела на них и чувствовала, как внутри неё появляется странное спокойствие. Она знала, что ничего не изменится. Она знала, что завтра будет 248. И ничего не изменится.

Она встала и вышла из рубки. Ей нужно было пройтись. Ей нужно было почувствовать, что она жива.

Часть 4. Ночь

Грейс шла по коридору, и шаги отдавались эхом в пустоте. Она не знала, куда идёт — просто шла, потому что не могла оставаться на месте. Ей нужно было движение, нужно было чувствовать, что она жива, что она ещё существует в этом мире, который казался ей всё более чужим.

Она остановилась у иллюминатора. За стеклом была чёрная пустота. Грейс смотрела на неё и чувствовала, как внутри неё появляется странное спокойствие. Она знала, что за этим стеклом нет ничего — только холод, только пустота, только тишина. Но она знала, что там есть астероид. Он висел там, в этой пустоте, и она чувствовала его присутствие, даже когда не видела.

Она посмотрела на него. Он был серым, шершавым, с кратером, похожим на глаз. Она смотрела на него, и ей казалось, что он смотрит на неё в ответ. Она не знала, почему она чувствовала это. Она не знала, почему она думала, что он живой. Но она знала, что это было правдой.

Она отвернулась и пошла дальше. Она прошла мимо дверей, за которыми спали её товарищи, и остановилась у своей каюты. Она открыла дверь и вошла внутрь. В каюте было тихо. Только привычный гул вентиляции, который стал частью её жизни.

Она села на койку и посмотрела на стену. Там висело фото в рамке. Дэйв, Ева, Патрик, Бакстер. Они улыбались. Они были там, в том мире, который она потеряла. Она смотрела на них и чувствовала, как внутри неё появляется боль — та же боль, которая жила в ней уже два года.

Она не знала, сколько времени она просидела так. Может быть, минуту, может быть, час. Она просто сидела и смотрела на фото, и мысли текли сквозь неё, как вода сквозь пальцы.

Она легла на койку и закрыла глаза. Она слышала, как работает станция — привычный гул, мерный стук, едва слышный звон металла. Она знала эти звуки. Они были частью её жизни. Но сегодня они звучали иначе — глуше, как будто станция тоже устала.

Она думала о том, что, возможно, это был её последний день на этой станции. Она думала о том, что, возможно, завтра всё изменится. Она думала о том, что, возможно, она никогда не вернётся на Землю.

Она открыла глаза и посмотрела на табло над дверью. Красные цифры горели ровно: **День 247**. Она смотрела на них, и они ничего не говорили ей.

Она закрыла глаза и попыталась уснуть. Она пыталась найти покой, который искала так долго. Она пыталась найти ответы, которые не могла найти.

Она не знала, что ждёт её завтра.

Она знала только, что она должна продолжать идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.